

СТАРАЯ ВОЗДВИЖЕНКА

Гутъ былъ просторъ для всѣхъ и
возрастовъ, и мнѣній
И не было вражды у встрѣчныхъ
поколѣній.

Кн. Вяземскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Февраля 1892

Старый нашъ домъ въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ, на перекресткѣ Шереметевскаго переулка, съ балкономъ на улицу, особенно близокъ мнѣ по дорогимъ воспоминаніямъ. Сожалѣю, что уже многого въ немъ не засталъ. Мало помню то время, когда жила въ немъ бабушка Варвара Петровна Шереметева, объединительно державшая въ твердыхъ рукахъ своихъ всю семью и весь домъ, не столько страхомъ, сколько умѣньемъ привязать къ себѣ cadaго. Трудно было не любить ее пылкой, правдивой души и не преклоняться передъ силою ея духа, въ теченіе всей ея многолетней жизни.

Воспитанная въ довольствѣ, въ многочисленной семьѣ, красавица Алмазова вышла за дѣда

моего Сергѣя Васильевича Шереметева, въ 1807 году, и прожила съ нимъ невозмутимо счастливо, не смотря на всю тяжесть многихъ заботъ и лишеній. Послѣ смерти дѣда въ 1834 году, она переѣхала на Воздвиженку. Рядъ семейныхъ утратъ и огорченій омрачили ея послѣдніе годы и сломили наконецъ эту сильную волю: 11 февраля 1857 г. она скончалась отъ водянки.

Молодые годы свои провела она въ подмосковной деревнѣ своихъ родителей, въ селѣ Вѣшкахъ. Сюда женихомъ и ранѣе того пріѣзжалъ дѣдъ мой. Въ саду Вѣшкинской усадьбы было старое дуплистое дерево. Молодые люди клали въ это душло свою переписку. Въ Москвѣ, у Алмазовыхъ былъ тогда домъ на Басманной, рисунокъ и планъ котораго у меня сохранился въ Михайловскомъ.

Всѣ сестры Алмазовы отличались красотой. О бабушкѣ Варварѣ Петровнѣ упоминаютъ въ своихъ запискахъ Жихаревъ и Вигель.

Какъ бы ни были трудны житейскія заботы, въ одномъ бабушка никогда не отказывала

себѣ: гостепріимно и радушно принимала она всякаго, и всего болѣе нуждающихся и нищихъ. Такъ было и при дѣдѣ Сергѣѣ Васильевичѣ, когда онъ жилъ въ Страннопріимномъ Домѣ, и такъ велось у нихъ изстари.

Ежедневно накрывали большой столъ, за которымъ, кромѣ семьи довольно многочисленной и близкихъ, всегда были въ запасѣ приборы для тѣхъ, „кого Богъ пошлетъ“—для бѣдняковъ. Не роскошью, не изысканнымъ обѣдомъ угощали Шереметевы; хлѣбъ-соль ихъ предлагалась просто и радушно, а бѣдные люди уходили довольные лаской и привѣтомъ. Обычай этотъ не прекращался и послѣ смерти дѣда; онъ продолжался и при бабушкѣ, и послѣ нея... и я засталъ эти обѣды у бабушки Екатерины Васильевны въ шестидесятихъ годахъ.

Комнаты въ домѣ убраны были просто, и все оставалось на своемъ мѣстѣ въ продолженіи десятиковъ лѣтъ. Онъ былъ удобенъ и помѣстителенъ.

Случайно-ль загляжусь на домъ сей мимоходомъ—
скользятъ за мыслью мысль и годъ за дальнимъ годомъ.

Прозраченъ здѣсь потокъ и сумракъ дней былыхъ:
Здѣсь память съ стаею завѣтныхъ сновъ своихъ.
Свила себѣ гнѣздо подъ этимъ милымъ кровомъ;
Картина старинн, всегда во блескѣ новомъ...

Подъѣздъ тотъ же, что и теперь съ Шереметевского переулка, лѣстница вела въ свѣтлую переднюю со скамьями вдоль стѣнъ. Здѣсь неизмѣнно сидѣлъ Матвѣй Ермолаевъ. Это былъ старый слуга, сухоручка, почти на пенсіи. Его единственная обязанность была докладывать о посѣтителяхъ.

Прямо изъ передней входили въ столовую, съ большимъ среднимъ окномъ, откуда открывается видъ на Кремль. Отсюда одна дверь въ сторону вела въ „келлію“ бабушки Екатерины Васильевны. Это была небольшая комната съ окнами на дворъ и перегородкой, за которою была спальня.

Прямо же изъ столовой дверь вела въ гостинную съ углубленіемъ въ стѣнѣ и круглымъ диваномъ, обитымъ красной матеріей. Надъ нимъ висѣлъ масляный портретъ прадѣда Василія Владиміровича Шереметева, его отца

Владими́ра Феодоровича, жены — Анны Семеновны (урожденной княжны Львовой) и сестры ея Марьи Семеновны Бахметевой.

Слѣдующая комната, большая круглая гостинная, съ большимъ полукруглымъ диваномъ и шестиугольнымъ столомъ краснаго дерева, на которомъ начертаны разными заглавными буквами; вокругъ рядъ такихъ же кресель. Здѣсь у каждаго было свое обычное положенное мѣсто. На одномъ концѣ дивана сидѣла бабушка Варвара Петровна, на другомъ княгиня Варвара Сергѣевна Голицына (рожденная Кагульская), — а бабушка Екатерина Васильевна въ сторонкѣ, въ своемъ креслѣ и въ рукахъ у нея неизмѣнная рогулька для вязанія шнурка.

Между дверьми и окнами одинаково расположены были два малыхъ дивана, передъ которыми становились старинные ломберные столы. Среднее окно было вмѣстѣ и дверью на балконъ, и она заслонена была мраморною колонной съ бронзовыми часами, передъ которой стоялъ еще маленькій диванъ со столомъ, почти что посреди комнаты.

Далѣе проходили еще въ небольшую комнату, на подобіе другихъ, съ висѣвшей на стѣнѣ литографіей выпуска юнкеровъ 1829 или 1830 г. (даръ Императора Николая I). Черезъ небольшой корридоръ (нынѣ несуществующій), въ которомъ стояли большіе столовые часы съ курантами, входили въ кабинетъ бабушки Варвары Петровны (впоследствии кабинетъ тетушки Елизаветы Сергѣевны), съ портретами всѣхъ ея дѣтей. Въ этой комнатѣ бабушка скончалась. За нею слѣдуетъ комната въ одно окно съ занавѣсью — моленная. Рядъ кіотъ съ иконами и большое распятіе, передъ которыми теплились лампы. Здѣсь, въ 1843 году, скончался мой старшій братъ Николай. Наконецъ послѣдняя, угловая комната дома, была спальней бабушки, съ дверью въ корридоръ и въ комнату старой ключницы Марины Никифоровны — или по просту Мариши, — дожившей до лѣтъ Маѳусаиловыхъ и не такъ давно скончавшейся. Она была еще дѣвушкой Марьи Борисовны Алмазовой (урожденной княжны Голицыной), матери ба-

бушки Варвары Петровны, также жившей въ домѣ и скончавшейся въ 1847 году, въ той же комнатѣ, гдѣ въ 1890 году скончалась те-тушка Екатерина Сергѣевна. Мариша была мастерица готовить настойку, такъ на-зываемый „Шереметевскій наборъ“ и была ро-домъ изъ бывшаго Алмазовскаго имѣнія Сим-бирской губерніи, Сенгилеевскаго уѣзда, села Тереньги.

Между двумя окнами спальни стоялъ пись-менный столъ, за которымъ мнѣ особенно па-мятна бабушка. Она вела со всѣми отсутствующи-ми дѣтьми ежедневную переписку. Для каж-даго изъ дѣтей былъ особый зеленого сафьяна бюваръ съ соотвѣтствующими именами.

Здѣсь же помню ее во время прически въ бѣломъ пенуарѣ. Не смотря на старость лѣтъ, у нея почти не было сѣдыхъ волосъ, и роскош-ная коса спускалась до полу.

Таковъ былъ средній этажъ дома. На верху было столько же комнатъ, гдѣ помѣщались дру-гіе члены семьи и пріѣзжіе изъ Покровскаго: дядя А. В. Шереметевъ со всею своей семьей

и его мать Надежда Николаевна, урожденная Тютчева.

Вся эта многолюдная семья, жила въ дружбѣ и согласіи, не смотря на значительную свою разнородность. Но таковъ былъ обычай у бабушки, что она и чужихъ, и пришлыхъ въ семью невѣстокъ своихъ умѣла привязать къ себѣ, какъ родныхъ дочерей.

Обѣ невѣстки, Варвара Павловна, урожденная княжна Голицына, и Варвара Петровна, урожденная княжна Горчакова, были очень достойныя женщины.

Не мало способствовала добрымъ отношеніямъ дружба Варвары Петровны съ княгиней Варварой Сергѣевной Голицыной, матерью Варвары Павловны, и съ семьею кн. Горчаковыхъ, съ которыми, кромѣ того, сближало и родство. Дочь Александра Владиміровича Шереметева, Анна Александровна, вышла замужъ за князя Сергія Дмитріевича Горчакова.

Труднѣе, но не менѣе прочно совершилось сліяніе съ представительницею старшей вѣтви

Шереметевыхъ — съ хозяйкою Покровскаго — Надеждой Николаевной Шереметевой.

Послѣ внезапной, насильственной смерти ея мужа, Василя Петровича, убитаго лошадьми въ Покровскомъ, въ Михайловскомъ лѣсу, началось уже сближеніе. Надежда Николаевна подружилась съ незамужней сестрой дѣда — Екатериной Васильевной, и дружба ихъ была самая крѣпкая, самая прочная. Обѣ онѣ, совершенно разнородныя по характеру, сошлись и сроднились на всю жизнь. Надежда Николаевна полюбила полную смиренія и кротости, но щедро одаренную, бабушку Екатерину Васильевну всюю силою своей пламенной и бурной души. Въ молодыхъ годахъ она томила и преслѣдовала ее своею ревностью, не желая сближенія бабушки съ кѣмъ бы то ни было и въ особенности съ сестрами Посниковыми. Терпѣливо сносила бабушка Екатерина Васильевна все выходки своего друга, зная, что подъ этимъ настойчивымъ, необузданнымъ нравомъ таится высокая душа, готовая на все доброе — восторженная и благородная — и свѣт-

лый умъ, сохранившійся до глубокой старости. Бракъ единственнаго ея сына съ троюродною сестрою окончательно сблизилъ обѣ семьи.

Варвара Петровна и Надежда Николаевна поняли и оцѣнили другъ друга. Обѣ эти семейныя „власти“ съумѣли ужиться до конца жизни, сохраняя взаимную независимость, и подавая высокій примѣръ послѣдующимъ поколѣніямъ. „Сестра Варвара Петровна“, „сестра Екатерина Васильевна“, „сестра Надежда Николаевна“: такъ величали онѣ другъ друга.

Когда бывало на Воздвиженкѣ накрывался большой столъ, во всю просторную столовую, во главѣ его сидѣли „рядомъ“, наблюдая взаимный почетъ, Варвара Петровна и Надежда Николаевна. Около нихъ, но въ сторонкѣ сидѣла бабушка Екатерина Васильевна, всегда уклонявшаяся отъ первыхъ мѣстъ и безпрекословно подчинявшаяся всѣмъ домашнимъ распоряженіямъ бабушки Варвары Петровны... И послѣ кончины ея, она оставила за собою свое прежнее мѣсто, уступая первенство вступившей въ права хозяйки, тетукѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ...

Я засталъ бабушку Екатерину Васильевну уже древнею старушкой. Маленького роста, въ неизмѣнномъ сѣромъ или коричневомъ платьѣ, съ черною повязкою на лбу и бѣлымъ кускомъ полотна на лѣвомъ глазѣ, который отъ болѣзненнаго пароста на лбу значительно опустился. За то другой здоровый глазъ, выразительный и лучистый, сохранилъ всю живость молодости. Привыкнуть къ этой повязкѣ можно было очень скоро, и безъ нея я даже не могу себѣ представить бабушки. Сама она любила подсмѣиваться надъ собою. Помню, какъ она говаривала не разъ: „мнѣ кажется, что я въ гробу буду такая гадкая“. Невольно вспомнились эти слова послѣ кончины въ 1865 году, когда почти вся Москва собралась у ея гроба, чтобы помолиться о упокоеніи ея души. Тихо, спокойно „свято“ было выраженіе ея лица. Она какъ будто улыбалась, въ сложенныхъ рукахъ лежали вербныя вѣтви, присланныя преосвященнымъ Леонидомъ, Московскимъ викаріемъ, который уважалъ ее глубоко. На четвертый день вынесли мы изъ дому открытый гробъ въ приходскую церковь Воз-

движенія; несли только племянники и внуки. День былъ пасмурный, но когда выносили гробъ изъ наружныхъ дверей дома на улицу, показалось солнце, лучи его освѣтили кроткую улыбку и вербу въ сложенныхъ блѣдныхъ рукахъ. Старшій дядя Василій Сергѣевичъ замѣтилъ и почувствовалъ это мгновеніе. Началась обѣдня въ переполненной молящимися церкви, потомъ отпѣваніе. Священникъ Александръ Васильевичъ, духовникъ бабушки и старый другъ семьи, сказалъ простое краткое слово, которое отъ волненія не договорилъ... На рукахъ донесли мы бабушку до Новоспасскаго монастыря, гдѣ встрѣтилъ преосвященный Леонидъ и послѣ литіи благословилъ еще разъ гробъ, опущенный въ землю... Она легла рядомъ съ могилами брата и сестры Варвары Петровны, и теперь она неразлучна съ ними, какъ была во всю свою жизнь. Надъ этими тремя могилами стоятъ три совершенно одинаковыхъ памятника, и на камнѣ бабушки Екатерины Васильевны сдѣлана надпись: „Блаженни миротворцы“... Вся жизнь ея была подвигомъ смиренія и любви къ ближ-

нему. Всю жизнь она „миротворила“. Она помогала тамъ, гдѣ нужна была помощь, и память ея жива, въ примѣръ и назиданіе грядущимъ поколѣніямъ.

Дѣтство и раннюю молодость Екатерина Васильевна провела съ родителями, живя въ Москвѣ, въ собственномъ ихъ домѣ, въ приходѣ Харитонія въ Огородникахъ, а лѣтомъ въ подмосковной, въ родовомъ селѣ *Убораихъ*, на берегу Москвы рѣки. Родители ея были дружны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ, отсюда и сближеніе въ молодости съ графиней Анной Алексѣевной! Память графа Орлова была ей дорога, и она не любила когда объ немъ говорили несочувственно. Она знала подробности дѣла такъ называемой княжны Таракановой, увезенной Орловымъ изъ Ливорно, и съ живостью доказывала, что въ этомъ дѣлѣ винить его нельзя. Къ сожалѣнію, я не запомнилъ подробностей ея разказа.

Екатерина Васильевна жила въ молодости въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ селѣ Хотавкахъ, гдѣ сблизилась съ сосѣдними семействами

Мосоловыхъ, и въ Волоколамскомъ имѣніи, въ селѣ Волочановѣ. Послѣдніе годы она безвыѣздно жила въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ... почти никогда не выѣзжала изъ дому. Чуть ли не послѣдній ея выѣздъ былъ въ домъ графини С. П. Бобринской, на крестины второго ея правнука, сына Софіи Алексѣевны. Она даже не могла выходить въ церковь, и это было для нея большимъ лишеніемъ. Съ разрѣшенія митрополита Филарета, она послѣдніе годы причащалась еженедѣльно по Воскреснымъ днямъ, и когда случалось ей заболѣть, а въ ея годы всякая болѣзнь была серьезною, она не разъ соборовалась, и мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ совершенія этого таинства, въ ея спальнѣ за перегородкой, съ однимъ окошкомъ на дворъ. Въ этой тѣсной комнаткѣ, около кровати стояла кіота съ образомъ, а на стѣнѣ висѣлъ прекрасный масляными красками портретъ ея друга, княгини Ирины Никитичны Урусовой. Здѣсь, передъ кончиною, посѣщалъ ее преосвященный Леонидъ и благословилъ ее иконою Преображенія.

У бабушки же Екатерины Васильевны увидѣлъ я впервые Черниговскаго архіепископа Филарета, у котораго были давнія сношенія съ семьею.

Она благоговѣла передъ памятью своихъ родителей, и когда скончалась въ Михайловскомъ ея мать, то она пѣшкомъ провожала ее до Новоспасскаго монастыря; на послѣдней верстѣ она утомилась на столько, что велѣла себя привязать къ дрогамъ. Объ отцѣ своемъ Василю Владиміровичѣ, она сама мнѣ рассказывала: о добротѣ его, объ особенномъ выраженіи его голубыхъ глазъ.

Она поддерживала сношенія съ двоюродными братьями, князьями Львовыми, которые относились къ ней съ особымъ уваженіемъ; она вела обширную и разнообразную переписку, ближайшее знакомство съ которою выяснить ея настоящее значеніе.

Тѣсная дружба соединяла дѣда Сергія Васильевича съ его сестрами. Смерть его, какъ и кончина сестры Маріи Васильевны Булыгиной (1855 г.), была тяжкимъ горемъ для бабушки.

Екатерина Васильевна получила тщательное образованіе, говорила и писала отличнымъ Русскимъ языкомъ и часто употребляла своеобразные и нынѣ мало извѣстные обороты рѣчи. Любила она очень слово „отмѣнно, — отмѣнные“. Случалось ей также дѣлать иногда страшныя ошибки въ произношеніи. Напримѣръ, вмѣсто балконъ, говорила всегда „балъконъ“, вмѣсто деревенскій — „деревянскій“. Примѣтъ и суевѣрій у нея не было, хотя въ семьѣ ихъ было не мало. Не любила она полуоткрытыхъ дверей въ комнатахъ и сравнивала ихъ съ зѣвающимъ ртомъ. Въ карты никогда не играла, хотя вокругъ нея то и дѣло заигрывались за зеленымъ столомъ, и бабушка Варвара Петровна была до нихъ большая охотница (обыкновенную партію ся составляли: бабушка Марія Васильевна Булыгина, В. П. Горчаковъ и другъ семьи Харлампій Гавриловичъ Жеребцовъ). По Французски Екатерина Васильевна говорила и писала безупречно, много на своемъ вѣку читала серьезныхъ книгъ, говорила по Нѣмецки, понимала по Англійски, въ молодости любила ри-

совать и много занималась музыкою. Говорятъ, что она даже сочинила оперу. Музыку вообще она любила и хорошо понимала. Любила она трактаты Ляфатера и показывала мнѣ многія собственноручныя выписки изъ его твореній. Всегда слѣдила она за новыми усовершенствованіями и изобрѣтеніями, а также и за политикой. Когда проявилась Патти, она тотчасъ же приобрѣла карточку. Много въ то время писали объ Итальянскомъ генералѣ Cialdini..., и его карточку помѣстила она въ альбомъ. Читала она много, всего болѣе книги духовнаго содержанія, и получала „Душеполезное чтеніе“, выходившее тогда подъ редакціей протоіерея Ключарева. Но и литературныя новости, болѣе замѣчательныя, занимали ее, и она читала ихъ съ удовольствіемъ... Иной разъ и „романчики подхватываю“, говорила она улыбаясь. Б. Н. Алмазовъ посвятилъ ей свою поэму: „Щедрый богачъ“. Она любила поэзію. Помню, какъ однажды, рассматривая мою книгу, Стихотворенія Лермонтова, она остановилась и одобрительно показала мнѣ слѣдующее четверостишіе:

„Смотрите какъ летитъ отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка въковал
Хранить струю кипучаго вина“.

Мѣтко выражалась бабушка Екатерина Васильевна; иногда однимъ словомъ обрисуетъ человека. Такъ, князя Сергія Николаевича Урусова, посѣщавшаго ее всегда въ Москвѣ, по давнимъ семейнымъ сношеніямъ (его мать была лучшимъ другомъ бабушки), она называла „голецъ“... „Никакъ не поймашь“, говорила она, „такъ и выскочить изъ рукъ, какъ голецъ!“.. конечно, въ этихъ словахъ не было и тѣни насмѣшки. Съ бабушкой Екатериной Васильевной никогда не могло быть скучно, потому что она умѣла говорить съ каждымъ и понимала молодежь. Строга она была только къ себѣ. Среди разговора о чемъ-либо постороннемъ, вдругъ бывало повернетъ рѣчь на серьезное или дастъ добрый и полезный совѣтъ... Она одна присутствовала при кончинѣ моей матери.

Воздвиженскій домъ называла она „убѣжищемъ Шереметевыхъ“... „C'est le refuge des

Chéréméteff“, сказала она мнѣ среди одного, знаменательнаго для меня разговора. Имѣла она обыкновеніе, когда здоровалась съ родными, съ племянницами и внуками, цѣловаться съ ними рука въ руку, иначе никогда не допускала, чтобы они цѣловали ея руки, но это относилось только къ замужнимъ. Одного молодаго чело-вѣка, котораго любила какъ роднаго, она жу-рила и называла „tête folle, coeur d'or“. Осо-бенно чтала она митрополита Филарета, а съ архіепископомъ Евгеніемъ вела переписку съ давнихъ лѣтъ. Она хранится теперь въ Михай-ловскомъ съ другими ея бумагами, имѣющими значеніе.

Преосвященнаго Леонида прозвала она „la chère Eminence“, и онъ относился къ ней съ сыновнимъ почтеніемъ.

Былъ въ Страннопріимномъ домѣ съ самаго основанія его, сначала діакономъ, потомъ свя-щенникомъ, старикъ протоіерей Каринскій. Ека-терина Васильевна знала его давно. Въ празд-ничные и семейные дни являлся онъ съ просфорой на Воздвиженку, и по дурной привычкѣ, вмѣсто

благословенія, просто бывало махнетъ рукою по направленію къ протянутой рукѣ. „Батюшка, я прошу вашего благословенія“, всякій разъ говорила Екатерина Васильевна, и старикъ отчетливо благословлялъ ее. Не любила она сумерекъ и всегда радовалась, когда въ комнату вносили лампу. Въ числѣ разнообразныхъ и многочисленныхъ посѣтителей Воздвиженки памятливы были: священникъ Константинъ Никифоровичъ Миляевъ, старый духовникъ семьи, прихода Харитонія въ Огородникахъ; священникъ Лука Ефремовъ (баснописецъ) изъ Воронежа; какой-то, оставившій практику, докторъ Ионандопуло, написавшій трактатъ о болѣзни Наполеона I, о которомъ любилъ говорить; какой-то весьма меланхолическій господинъ Качаловъ, вернувшійся изъ Іерусалима; служившій у Гепераль-Губернатора чиновникъ Загряжскій; утомительная болтунья Варвара Раевская, „сборщица добрыхъ дѣлъ“, также напечатавшая книгу подъ заглавіемъ „Письма и молитвы“; другая тараторка—но добрая душа—помѣщица М. П. Полугарская, цоселившаяся въ Троицкой Лаврѣ;

дальшіи и бѣдныя родственницы, вдова Каменская съ сыномъ (*la cousine Kamensky*), Екатерина Васильевна Шандоровская, урожденная Панина, съ дочерью; какой-то больной студентъ-технологъ Модзалевскій, заучившійся математикъ до того, что сталъ заговариваться...

Послѣдній особенно былъ жалокъ Екатеринѣ Васильевнѣ... Она много старалась съ нимъ говорить, помогала ему, даже писала нужныя для него письма, надъ которыми онъ въ комнатѣ и сидѣлъ часами, съ какою-то тупою задумчивостью. Помню, даже остался онъ однажды съ бабушкой съ глазу на глазъ; они долго говорили, и мы начинали уже тревожиться, зная, что онъ не нормаленъ. Она за нимъ слѣдила, какъ за ребенкомъ. Вскорѣ онъ однакожъ окончательно сошелъ съ ума.

По утрамъ неизмѣнно являлась дочь бѣднаго помѣщика, сосѣда по Покровскому, Анна Петровна Ширяева, по мужу Тринклеръ, бѣдовая и томительная, которую бабушка выносила терпѣливо. Появлялись изрѣдко и дѣти ея, дочь Адель и сынъ Валерій, впослѣдствіи совер-

менно сбившійся. Въ числѣ старыхъ испытанныхъ друзей семьи, какъ не назвать Льва Карловича Эйсымонта, бывшаго врачомъ у бабушки Варвары Петровны, друга четырехъ поколѣній. Нѣсколько разъ въ недѣлю пріѣзжалъ и другой старый другъ и врачъ, Карлъ Карловичъ Пфѣль, всѣми любимый и уважаемый. Придетъ бывало къ бабушкѣ и начнетъ ее разспрашивать и шутить, а ему сейчасъ же готовится кофе, поданный какъ-то особенно, по его вкусу. Лѣтъ двадцать, если не болѣе, посѣщалъ онъ семью. Его любили какъ роднаго, и онъ глубоко почиталъ бабушку и со всѣми былъ друженъ. Онъ былъ отличный игрокъ въ шашки.

Каждое утро приходили, соблюдая очередь, на цѣлыя сутки, чередуясь, обѣ племянницы бабушки, Авдотья и Александра Ивановны Булыгины и уже неотлучно оставались при ней день и ночь.

Памятенъ мнѣ особенно одинъ вечеръ на Воздвиженскѣ со старикомъ гусяромъ. Художникъ Подключниковъ, уроженецъ села Останки-

на, реставраторъ и собиратель всякой старины, привелъ къ бабушкѣ пріятеля своего, древняго, сѣдаго, съ необыкновеннымъ носомъ, гусляра. Собрались всѣ въ столовой, чтобы его слушать. Долго игралъ онъ, и чѣмъ-то отдаленнымъ и роднымъ звучало отъ его переливовъ. Бабушка и всѣ мы окружили его, наслаждаясь дѣйствительно прекрасною игрою. Подключниковъ, въ роли *impressario*, былъ незамѣнимъ. Надолго остались въ памяти этотъ вечеръ и тихіе звуки гуслей, сѣдой какъ лунъ старикъ, и покровитель его Подключниковъ...

„Дѣла давно минувшихъ дней!
Преданье старины глубокой“...

Случайно зиму 1854—1855 года бабушка Варвара Петровна провела въ Петербургѣ. Война была въ полномъ разгарѣ, и всѣ трое сыновей ея поступили вновь въ военную службу.

Старшій сынъ, Василій Сергѣевичъ, не смотря на совершенно разстроенное здоровье, поступилъ въ ополченіе съ чиномъ полковника и получилъ Волоколамскую дружину, а рот-

нымъ командиромъ въ той же дружинѣ былъ дядя, Борисъ Сергѣевичъ. Одинъ только дядя Сергѣй Сергѣевичъ вступилъ въ дѣйствующую армію, въ Кіевскій гусарскій полкъ, и отправился въ Севастополь, гдѣ и состоялъ ординарцемъ при князѣ М. Д. Горчаковѣ. Оба внука бабушки Варвары Петровны находились въ арміи, одинъ — въ Польшѣ съ кавалергардскимъ полкомъ, другой на Кавказѣ — ординарцемъ Н. Н. Муравьева.

Жила Варвара Петровна на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Паскова, на углу Троицкаго переулка. Теперь тамъ домъ совсѣмъ перестроили. Помню ее очень хорошо и въ церкви нашей на Фонтанкѣ, и у себя дома въ гостинной съ мебелью изъ корельской березы... Съ отъѣздомъ въ Москву, я болѣе уже не видѣлъ бабушки, которая скончалась 11 февраля 1857 года. Послѣ кончины ея, я получилъ на память отъ нея образъ, который она всегда носила.

Въ Москву пріѣхалъ я въ первый разъ послѣ 1852, въ 1860 году. Бабушку Екатерину Васильевну видѣлъ я впервые послѣ

продолжительной разлуки — въ домѣ на Воздвиженкѣ. Съ какимъ волненіемъ ожидалъ я этой встрѣчи! Это былъ одинъ изъ счастливейшихъ дней въ жизни...

Она ожидала меня въ дверяхъ у входа въ комнату тетушки Елизаветы Сергѣевны... Новая для меня, теплая и родная обстановка переносила въ отдаленные годы дѣтства, и мнѣ казалось, что я никогда не покидалъ Москвы, что я всегда жилъ этою безмятежною, семейною жизнью.....

„Москва, съ тобой давно расстался я.
Но я твой сынъ, родная ты моя!“

.

Графъ Сергій Шереметевъ.

С.-Петербургъ.
11 февраля 1892 г.

